

Хроники Шёлкового пути

Индия, Китай и война в Газе

На саммите Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества в Эр-Рияде министерскому комитету было дано поручение совершить визиты к постоянным членам Совета Безопасности ООН, начиная с Пекина. Китай призывает к прекращению огня в Газе и «*скорейшему*» созыву международной конференции. Внеочередной виртуальный саммит БРИКС, расширенный за счёт участия Саудовской Аравии, Ирана, Эмиратов, Египта, Эфиопии и Аргентины, впервые созванный в связи с текущим региональным конфликтом, указывает на новые инструменты «*глобального управления*», которые Китай может использовать для решения проблем «*горячих точек*» и дипломатического вмешательства на Среднем Востоке и в Персидском заливе – энергетической артерии, защиту которой США, как они считали долгое время, способны обеспечить собственными силами. Однако даже миротворцы могут подточить «*доктрину Картера*».

Лю Чжунминь, директор Института ближневосточных исследований Шанхайского университета международных исследований (SISU) и китайского журнала «Исследования арабского мира», ставит под сомнение формат «*четвёрки*» по Среднему Востоку, в котором участвовали США, Европейский союз, Россия и ООН, «*но который оказался парализованным и не функционировал в течение значительного периода времени*».

Азиатская реинкарнация «четвёрки»?

В 2002 году наш анализ демонстрировал, что «*четвёрка*» могла оказаться «*мертворождённой*», поскольку в неё не вошли азиатские игроки, которые уже «*открыто проявили себя*» в Персидском заливе: Китай, а также Индия и Япония. Пекин присутствовал там косвенно, через Совет Безопасности, но центром этой израильско-палестинской посреднической инициативы были атлантические отношения между Соединёнными Штатами и Европой накануне войны в Ираке. Нескольких лет хватило, чтобы подтвердить «*политическую недостаточность*» этой площадки, а также увидеть первые попытки Китая войти в него, играя на двухсторонних контактах с региональными игроками. Эта терпеливая работа продолжалась в течение двух десятилетий.

По мнению Лю, «*более авторитетный международный механизм*» сегодня мог бы отталкиваться от пяти ядерных держав в Совете Безопасности, но очевидно, что азиатский вес должен иметь другие пропорции, поскольку Пекин представлял бы себя как выразитель интересов «*Глобального Юга*» и «*БРИКС плюс*» вместе с Москвой и Нью-Дели, если не как второго по значимости собеседника арабо-исламских держав. Принимая посланников Эр-Рияда, Сергей Лавров также предложил новый механизм «*внешнего сопровождения*» для возобновления работы «*четвёрки*», поскольку «*старая группа посредников [...] не включала представителей арабского и исламского мира*».

Представленный Китаем в декабре документ с изложением его позиции по «*урегулированию израильско-палестинского конфликта*» хотя и аналогичен «*12 пунктам*», представленным в феврале по военному конфликту на Украине, тем не менее выглядит более чётко сформулированным, обращаясь к Совету Безопасности, «*странам, влияющим на стороны*» и «*региональным организациям*». Растущая роль Китая в локальных войнах пока не требует применения военных средств, за исключением тех, что уже были использованы для охраны маршрутов в Персидском заливе, но политическое давление на прямых и косвенных акторов также является империалистическим упражнением, учитывающим растущий потенциал проекции.

Временная стабильность на Среднем Востоке

Лю давно считает, что китайское проникновение в Персидский залив должно приближаться к американскому, и отмечает китайско-американское сближение на недавнем саммите в Сан-Франциско в качестве одного из благоприятных факторов региональной стабилизации, вызванной «*более конструктивной ролью*» крупных внешних держав. Десять лет назад, в преддверии китайско-американского саммита в Санниленде между Бараком Обамой и Си Цзиньпином, мы оценили как иллюзорную обсуждавшуюся в Вашингтоне идею о том, что

«стратегическая пауза» может остановить Дракона на Среднем Востоке, который в то время проявлял себя в основном в форме «плюшевого сотрудничества».

И тогда Китай пригласил Биньямина Нетаньяху и Махмуда Аббаса в Пекин, как ожидалось и в этом году, до начала войны в Газе. В китайских дебатах подчеркивалась «нейтральная и сбалансированная позиция» Китая в средневосточных делах благодаря его контактам с региональными силами, «Хамасом, Хезболлой и Ираном, с которыми Вашингтон отказывается иметь дело»; предлагалось «помочь Вашингтону выступить посредником» на Среднем Востоке «в согласии» с «четвёркой».

Сегодня временная стабильность, о которой Джо Байден и Си договорились в Сан-Франциско, не смогла отсрочить политическое проникновение Пекина в регион, которое теперь уже является подтверждённым. Если угодно, вновь открывшиеся каналы связи на высоком уровне указывают на то, что вопрос для Вашингтона заключается в том, как вовлечь Китай во взаимодействие и рассмотреть его предложения.

Столы, накрытые Драконом

Лау Сиу-кай из Китайского университета Гонконга возглавлял политический отдел, дающий рекомендации главе администрации Гонконга, и на сегодняшний день является членом Консультативной конференции китайского парламента. Он пишет в *China Daily*, что «китайское решение» нуждается в продвижении: «В рамках нового политического порядка на Среднем Востоке интересы и безопасность всех сторон должны быть адекватным образом защищены», но к этому может призвать только Китай в своём всеохватном заявлении, обращённом ко всем силам на «международной конференции».

Чжоу Бо, бывший директор Управления международного сотрудничества Министерства обороны и координатор миссий по борьбе с пиратством в Аденском заливе, сейчас является старшим научным сотрудником Центра международной стратегии и безопасности Цинхуа (CISS). Должность, вероятно, позволяет ему большую свободу слова, где-то в границах между запуском «пробных шаров» и рекомендательным мнением для военных. Он пишет, что США и Китай должны сотрудничать как в Газе, так и в регионе Персидского залива. В Газе Пекин «был бы вполне способен возглавить миротворческую миссию ООН». В Персидском заливе региональная напряжённость усилит решимость Ирана развивать свои силы ядерного сдерживания, что спровоцирует региональную гонку с Саудовской Аравией и Турцией, однако Китай противостоял бы этому. Пекин уже высказался против применения ядерного оружия на Украине, несмотря на прочные связи с Москвой, успокаивая Европу; теперь его налаженные отношения с Тегераном должны успокоить США. Китаю «следовало бы соблюдать» международные санкции, которые могут ударить по атомному Ирану. Возможно, Пекин сможет за закрытыми дверями убедить Тегеран не переходить «пороговый» статус, прежде чем все стороны, «включая Вашингтон», соберутся для перезаключения новой ядерной сделки.

Средний Восток привлекает и Индию

С точки зрения индийской прессы, Нью-Дели всё в большей мере скрытно движется от «молчания» к «реализму». Если война на Среднем Востоке подтверждает соперничество с Китаем в гонке за «Глобальный Юг» и проекцию в регион Персидского залива, то резонирующий с Индией исламистско-мусульманский вопрос заставляет проявлять осторожность. *Washington Post* напоминает, что с разделением Индии и Пакистана в 1947 году и рождением Израиля в следующем году Британская империя оставила открытыми два вековых вопроса, которые до сих пор волнуют Дели.

В том же журнале «Исследованиях арабского мира» (№ 3, 2023) Чжэн Сянь У и Ян Мэн из Института международных отношений Нанкинского университета пишут, что именно возвышение Китая подталкивает Индию к Среднему Востоку. Её отношения с регионом, безусловно, восходят к началу письменной истории и продолжаются в британской имперской политике, вплоть до «прагматизма» Нарендры Моди, который восстановил баланс между традиционным для Индии «про-арабизмом» в отношениях с Израилем. Однако в конечном итоге именно противоречия, разжигаемые Драконом, расширяют возможности Индии для манёвра в отношении Запада: «Осознание Индией себя в качестве важного игрока

в Индо-Тихоокеанском регионе позволило укрепить стратегическую координацию с Соединёнными Штатами» и вновь соединить Средний Восток с Азией.

Запад Индийского океана

Нью-Дели «внимательно относится» к американским корректировкам курса, чтобы «действовать в нужное время» и присоединиться к группе “I2U2” с США, Эмиратами и Израилем в 2021 году: «в первую очередь», чтобы сбалансировать китайское влияние, но зная, что, хотя они конкурируют на глобальном уровне, США и Китай всё же «поддерживают диалог» по Среднему Востоку. Расширение сотрудничества с Индо-Тихоокеанского региона на Средний Восток – это скорее вопрос возвращения американского внимания к западному направлению Индо-Тихоокеанского региона, что, как мы помним, обсуждалось в Нью-Дели в 2020 году как следствие “доктрины Джайшанкара”.

Ключевым пунктом разногласий с США стали отношения с Ираном, одним из крупнейших поставщиков нефти в Индию и потенциальным союзником в Центральной Азии, но Дели увидел в возвращении демократов в Белый дом «ослабление напряжённости». С другой стороны, для Вашингтона «возведение крупной внешней страны в роль регионального стабилизатора стало бы вариантом обеспечения безопасности» и таким образом стало бы равносильно тому, чтобы «пригласить Индию на Средний Восток». Цель Индии, по мнению авторов, заключалась в том, чтобы противостоять китайскому Шёлковому пути, как это стало понятно после запуска совместно с Эмиратами, США и ЕС нового морского железнодорожного коридора IMESC между Индией и Европой, а также компенсировать невступление в азиатское соглашение о свободной торговле ВРЭП – возможность, «упущенную» из-за внутренних «промышленных слабых мест», «американского давления» и веса Китая в АСЕАН.

Военный рост индийского фактора

Хотя многополярность на Среднем Востоке развивается, продолжают Чжэн и Ян, США по-прежнему остаются «самой влиятельной державой», и с каждым кризисом они вновь поглощаются регионом. Кроме того, регион становится «важной зоной соперничества» с Китаем, и американский «уход» становится всё менее вероятным: «Именно это противоречие между субъективным желанием уйти и объективной невозможностью сделать это даёт Индии возможность более активно участвовать в средневосточных делах». Персидский залив и Суэцкий канал, мировые энергетические и транспортные узлы, имеют решающее значение для «промышленного развития» Индии. В то же время Шёлковый путь рассматривается как «угроза», китайские порты в Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш и Мьянме образуют «нитку жемчуга» на шее Индии, а китайско-пакистанские отношения ограничивают её влияние в ближнем зарубежье и на Среднем Востоке. Неудивительно, что Дели также наращивает военную мощь.

Global Times признаёт «большим достижением» строительство в Индии второго авианосца, который заменит первый, построенный в России, и станет дополнением к первому, созданному в стране. *The Economist*, однако, оценивает военную модернизацию как запоздалую: по меньшей мере на «десятилетие» с технологической стороны и более 200 самолётов и 220 кораблей с количественной. «В частном порядке индийские военные чиновники говорят, что не смогут противостоять Китаю в течение 30 лет следующих лет». Факт остаётся фактом: с Индией, имеющей как минимум два авианосца, придётся неизбежно считаться как в Азии, так и на Среднем Востоке.

Декабрь 2023 г.